

П.Н. Черняев

**А.С.Пушкин как любитель
античного мира и переводчик
древнекалссических поэтов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Черняев**
А.С.Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнекалссических поэтов / П.Н. Черняев – М.: Книга по Требованию, 2022. – 85 с.

ISBN 978-5-517-96252-2

ISBN 978-5-517-96252-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ настоящее время, когда истекаетъ столѣтіе со дня рожденія Пушкина и когда не только вся Россія, начиная съ Императорской Академіи Наукъ и кончая сельской школой далекой Сибири, но и всѣ славянскія земли Европы собираются справить праздникъ столѣтія со времени появленія на свѣтъ русскаго поэтического вдохновенія, гениальнаго и великаго, можно съ полной увѣренностью признаться, что послѣ трагической кончины Пушкина еще не появлялось въ цѣломъ мірѣ генія, равнаго ему по поэтическому таланту. Геній Пушкина приобщилъ насъ ко всемірной культурѣ, къ современному водовороту европейской мысли; его талантъ заявилъ о себѣ во всемъ мірѣ, и этотъ талантъ не преходящъ, онъ невыблемъ, вѣченъ, какъ свѣтъ дня, какъ голубая лазурь неба, какъ цвѣтущая зелень лѣта, какъ бѣлый коверъ зимы, какъ красота, прелесть и роскошь природы вселенной.

Поэтъ уже погибъ, но творенія его живы: имъ даровано безсмертіе... «Прійдетъ время, писалъ Бѣлинскій (VIII, 701), когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по тво-

реніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

— И это время пришло: о Пушкинѣ писали, пишутъ и еще долго будутъ писать, его сочиненія даютъ массу самаго разнообразнаго матеріала; Пушкинская литература растетъ съ каждымъ днемъ, но у поэта еще много такого, о чемъ можно много говорить и что можно разсматривать со многихъ сторонъ.

Предполагаемое къ открытію Лицейское Пушкинское Общество между прочимъ задалось широкими цѣлями—1) собирать всевозможные фактическіе матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности поэта и 2) составлять и вызывать къ составленію критическихъ статей, разъясняющихъ значеніе поэта со всѣхъ сторонъ: исторической, эстетической, нравственной и философской.

Достиженіе намѣченныхъ цѣлей возможно, конечно, лишь при дружномъ содѣйствіи многихъ лицъ, всецѣло отдавшихъ изученію сочиненій великаго поэта.

Любовь—главный мотивъ Пушкинской поэзіи и поэзіи античной.

«Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсень; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ».

(IV, 387 сл.)¹⁾

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е Ефремова, М. 1882.

Любовь въ широкомъ смыслѣ этого слова была главнымъ мотивомъ Пушкинской поэзіи.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ.
(Ш, 32).

Вездѣ со мной неутомима
Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
(Amorem sanat aetas prima)
Все про любовь, да про любовь...
(Ш, 435).

Да, Пушкинъ пѣлъ любовь и пѣлъ ее всю жизнь: она питала его поэтическій талантъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья,
Еще въ младенческую грудь,
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
(I, 171).

Блаженъ, кто знаетъ сладострасть
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ...
(I, 198).

Любовь была спутницей превратной жизни поэта:

На пиръ любви душой стремлюся я...
(II, 383).

Ужъ мало-ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало-ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой...
(II, 160).

И жизнь пѣвца любви была полна печали:

Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
Дѣтъ три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.

.....
Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ..
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забудь.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я—гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.

(I, 134).

Въ годы юности надъ головой поэта и предъ его глазами уже витали мрачные призраки смерти²⁾; земная любовь не удовлетворяла пѣвца, онъ стремился къ другой, неземной любви, любовь земная давала ему утѣшенія лишь въ изгнаніи, въ его одиночествѣ, но она, коварная и измѣнчивая, свела его въ могилу—

О братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!..

.....
Уже не возвратился онъ:
..... на полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ..

(I, 133).

Поэтъ любилъ невѣдомой любовью—

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,

²⁾ Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи, Сиб. 1869, стр. 12.

ство къ познанію древностей»;⁵⁾ позже въ 1821 г. Кошанскій напечаталъ въ XIV т. «Трудовъ вольнаго общества любителей російской словесности» сочиненіе подъ заглавіемъ «Взглядъ на исторію искусствъ и исторія греческаго искусства въ біографіяхъ греческихъ художниковъ».

На эстетическое и художественное образованіе Кошанскаго несомнѣнно оказалъ громадное вліяніе профессоръ Московскаго университета нѣмецъ Буле (1763—1821), лекціи котораго, если и не могъ слышать Кошанскій въ университетѣ, гдѣ Буле читалъ (1804—1812) исторію мифологіи, археологію, живопись, скульптуру древнихъ народовъ, литературу греческую и римскую, теорію и исторію изящныхъ искусствъ, то всетаки могъ посѣщать его приватныя лекціи, которыя Буле читалъ у себя на дому, тѣмъ болѣе что Кошанскій переводилъ на русскій яз. статьи писанныя по-нѣмецки самимъ Буле для издававшагося имъ «Журнала изящныхъ искусствъ». Вообще проф. Буле былъ свѣтлая личность съ широкимъ эстетическимъ образованіемъ; въ Россіи онъ жилъ недолго (до 1814 г.), но работалъ съ лихорадочной поспѣшностью; основанный имъ журналъ не существовалъ и года; очевидно публика того времени не была еще достаточно подготовлена къ чтенію серьезныхъ статей специально посвященныхъ исторіи искусства. ⁶⁾

За время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ профес. Кошанскій издалъ слѣдующія сочиненія. Въ 1814 г. по порученію Лицея имъ было напечатано «Очищенное изданіе басень Федра», посвященное Императору Алек-

⁵⁾ У г. Прозорова въ его Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII стол. по 1892» (Сиб. 1898) означенный трудъ проф. Кошанскаго не названъ.

⁶⁾ О Буле см. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета за 1755—1855. М. 1855 ч. I стр. 112 слл.

сандру I Въ уведомленіи къ этому изданію сказано: «Желаніе мое было, чтобы юные воспитанники, учась латинскому языку, могли читать все, что находится въ сей книгѣ; чтобы ни одна мысль, ни одно выраженіе не оскорбляли ихъ благороднаго чувства, а напротивъ утверждали въ благоразуміи и нравственности. Пусть живая кисть Федра, представляя забавныя происшествія, увеселяетъ ихъ»... Въ 1816 г. Кошанскій выпустилъ очищенное изданіе Непота; въ концѣ предисловія къ этому изданію читаемъ: «Не худо знать, что въ сей книгѣ содержатся прекрасныя жизнеописанія. Сколько героев! сколько великихъ мужей и славныхъ дѣлъ!... Любезные друзья, скажу вамъ: если кто изъ васъ, читая Аристида, Эпаминонда, Ганнибала и проч. будетъ примѣчать, какъ они думали и поступали, будетъ стараться самъ также чувствовать и мыслить, будетъ искренно желать быть имъ подобнымъ, тотъ, въ самомъ дѣлѣ, возвысится духомъ, приготовить для себя нравственный характеръ и, кто знаетъ?—можетъ быть столько же полезенъ своему отечеству». Въ же 1816 г., а не въ 1817 г., какъ пишетъ Гротъ,⁷⁾ была издана «Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I Археологію, II Обзорѣніе классическихъ авторовъ, III Мифологію и IV. V. Древности греческія и римскія. Собранная Эшенбургомъ (1743—1820), умноженная Крамеромъ и дополненная Кошанскимъ. Въ этомъ году вышелъ собственно I-й томъ въ 510 стр. 8^о—отдѣлы: археологія словесности и искусства и краткое обзорѣніе древнихъ писателей греческихъ и римскихъ; въ 1817 г. вышелъ II-й томъ въ 474 стр. 8^о—отдѣлы: мифологія, греческія и римскія древности. Оставшаяся неопѣченной въ свое время книга Кошанскаго, приравленная, какъ видно, къ программѣ во многомъ напоминающей лекціи Буле, составляетъ эпоху

⁷⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Сиб. 1887; стр. 9 сл.

въ исторіи развитія классическихъ знаній въ Россіи; до появленія этого сочиненія «о древностяхъ и классическихъ авторахъ, какъ говорить въ предисловіи къ I тому (стр. II) Кошанскій, рѣдко слышали». «Эта книга, пишетъ далѣе (стр. IV) переводчикъ, можетъ быть полезна и тѣмъ, кои, занимаясь новѣйшей словесностью, желали бы вѣдать состояніе искусствъ и наукъ, образъ мыслей и произведенія древнихъ».

Такимъ образомъ ученая и издательская дѣятельность Кошанскаго была направлена въ одну опредѣленную сторону: она имѣла свою цѣлью споспѣшествовать успѣхамъ русскаго просвѣщенія главнымъ образомъ путемъ изданія «очищенныхъ» руководствъ и пособій для изученія классическаго міра, и въ этомъ Кошанскій много успѣлъ, такъ что собственный его эпитафій на заглавномъ листѣ басень Фѣдра.

Relinquamus aliquid, ne frustra vixisse videamur.

К.

смѣло можно было бы измѣнить въ

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Не менѣе плодотворны были и педагогическія занятія Кошанскаго; о нихъ мы можемъ судить отчасти и на основаніи свидѣтельствъ самого Пушкина, который въ біографіи барона Дельвига (V, 159 сл.) упоминаетъ о Кошанскомъ, какъ руководителѣ друга его въ изученіи Горация.

Кошанскій разсказывалъ своимъ слушателямъ содержаніе гомеровскихъ поэмъ, объяснялъ мифологію и бытъ древнихъ народовъ, читалъ *Иліаду* въ отрывкахъ по переводу Гнѣдича, задавалъ сочиненія на удачно выбранныя темы, причемъ требовалъ изобрѣтательности и изощрѣнства въ изложеніи. Одинъ изъ воспитанниковъ проф. Кошанскаго дѣлаетъ о немъ такой отзывъ:

«Съ многостороннею классическою образованностью и большою опытностью въ преподаваніи Кошанскій соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроение и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполне можно было назвать эстетическими, наполненными занимательности и вкуса»⁸⁾. Дѣйствительно, судя по переводамъ Кошанскаго и предисловіямъ къ его изданіямъ, онъ умѣлъ воплощать въ себѣ духъ подлинника, восторгаясь онъ возбуждалъ слушателей своихъ, развивалъ въ нихъ эстетическій вкусъ, вызывая къ жизни поэтическихъ героевъ далекаго міра.

Словомъ, Кошанскій былъ выдающимся профессоромъ своего времени; этотъ дѣятель еще ждетъ своего біографа⁹⁾.

Изъ положительныхъ знаній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ міеологіей и литературой древне-классическаго міра. Еще въ домѣ своихъ родителей, задолго до поступленія въ Лицей, будущій поэтъ прочелъ Плутарха и поэмы

⁸⁾ Гротъ стр. 58.

⁹⁾ О Кошанскомъ кое-что см. въ сочиненіяхъ: «Памятная книжка Александровскаго Лицея (Спб. 1856)», «Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея (Спб. 1869)», указ. соч. Грота и «Энциклоп. словарь» изд. Брокгаузовъ и Ефронныхъ ч. 31 стр. 467 (неволью припоминаются слова Пушкина (Ш, 23): «въ Россіи... память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ»).

Гомера въ переводѣ Битобе (1732—1808), члена Берлинской академіи. Своими познаніями въ миѳологіи Пушкинъ несомнѣнно обязанъ какъ чтенію книгъ специально посвященныхъ этому предмету, такъ и литературно антикварнымъ объясненіямъ, какія при чтеніи, особенно поэтическихъ произведеній древнихъ, давалъ Кошанскій на своихъ лекціяхъ, очевидно заимствуя многія изъ этихъ объясненій изъ той «Ручной книги древней классической словесности», о которой было упомянуто выше.

Изъ всего сказаннаго ясно, почему Пушкинъ еще въ Лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Вѣроятно не менѣе сильно, чѣмъ школа, вызвала въ поэтѣ любовь къ античному міру и самая царскосельская обстановка¹⁰⁾.

Въ Лицеѣ—этомъ «Царицыномъ чертогѣ» (Ш, 414) Пушкину многое напоминало классическій міръ.

Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный Царскосельскій садъ

(I, 57).

—писалъ поэтъ въ 1815 г. И дѣйствительно, величественныя деревья («аллеи древнихъ липъ»— I, 57) и статуи—все это такія картины, кото-

¹⁰⁾ Ср. Стоюнинъ, Историч. сочиненія ч. II.—Пушкинъ Свѣ. 1881 стр. 27 сл. и Буличъ, Въ память пятидесятилѣтія смерти Пушкина, Казань 1887 стр. 19.

рыя способны были вызывать въ впечатлительной душѣ поэта воображенія античной древности.

Въ тѣ дни, пишетъ Пушкинъ:

Являться муза стала мнѣ

И какъ вакханочка рѣвилась.

За чашей пѣла для гостей.

(Ш, 153 сл.)

И съ тѣхъ поръ «вакханочка» не покидала поэта.

Воспоминаньями смущенный,

Исполненъ сладкою тоской,

Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный

Вхожу съ поникшею главой.

.....

. . . долго я блуждалъ, и часто, утомленный

.....

Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,

Воображалъ сіи сады!

(П, 249 сл.)

Тамъ, среди прекрасныхъ садовъ «благословеннаго пріюта», поэтъ видѣлъ, какъ въ тихомъ озерѣ плескались наяды. (I, 57).

Въ Царскомъ селѣ были статуи, къ одной изъ которыхъ позднѣе (1830 г.) Пушкинъ, подъ впечатлѣніемъ юности, написалъ стихотвореніе:

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее двѣа разбила.

Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.

Чудо! не сникнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:

Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

(II, 374).